

## ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕПИСИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА<sup>1</sup>

На основании анализа делопроизводственных документов и первичных переписных материалов анализируется диалог культур: кочевой ненецкой и официальной русской, – неизбежно возникающий в процессе переписи населения, и выявляются возможные пути достижения взаимопонимания между ними за счет правильной постановки вопросов и интерпретации ответов.

**Ключевые слова:** кочевники, Ямал, Приполярная перепись, похозяйственная перепись, традиционное хозяйство, оленеводство, охота, рыболовство.

В работах исследователей, посвященных этнической истории и этнодемографии коренных народов Севера, неоднократно обращалось внимание на искажение их этнического, социального и демографического облика в нарративных, делопроизводственных и статистических документах XVII–XXI вв., неизбежно возникавшее по причине официального происхождения данных источников, использования русских терминов, культурного и языкового барьера между переписчиками и переписываемыми [1–3]. Ученые не только выявляли подобные перекосы, но и указывали способы верификации данных. Особенно остро эта проблема стояла во время проведения всеобщих переписей населения в 20-х и 30-х гг. XX в., проходивших в районах проживания народов Севера в форме похозяйственного опроса. Наиболее известной из них является Приполярная перепись 1926–1927 гг., организованная в рамках Всесоюзной переписи 1926 г., материалы которой повторно были открыты и проанализированы в начале XXI в. на примере разных этнических групп [4, 5]. Пробная похозяйственная перепись прошла летом 1933 г. в Ненецком, Эвенкийском и Николаевском округах [6, 7]. Кроме того, регистрация промысловых и кочевых хозяйств осуществлялась в 1930-х гг. в ходе работы землеустроительных и научно-промысловых экспедиций [8, 9].

В условиях отсутствия опыта проведения масштабных переписных работ на Севере стремление научно-исследовательского и государственного аппарата к полному охвату и анализу всех сторон жизни и хозяйственной деятельности северных народов и получению достоверной информации о них способствовало активному обсуждению среди специалистов-североведов методологии сбора качественных демографических, экономических и социальных данных, отличающейся от таковой в южных районах [10, л. 1, 35–38 об., 44–46; 60–60 об.]. По мнению авторов, делопроизводствен-

ные документы, а именно инструкции к заполнению переписных бланков, служившие руководством к действию регистратора, выполнявшие роль своеобразного переводчика русской официальной культуры для населения Севера и позволявшие вести конструктивный диалог между ними, представляют существенный исследовательский интерес для изучения проблем культурного взаимодействия. Их анализ дает возможность взглянуть на составленные описания хозяйств глазами опрашиваемого человека и правильно интерпретировать их. Более того, уникальность такого рода документов состоит в том, что они характерны только для переписей рассматриваемого времени, так как к моменту проведения Всесоюзной переписи 1939 г. (1937) считалось, что культурный и языковой барьер уже преодолен и народы Севера переписывались на общих основаниях [11]. Данная работа основывается главным образом на материалах Приполярной переписи 1926–1927 гг., похозяйственной переписи Управления народохозяйственного учета РСФСР и землеустроительных экспедиций в Ямальском районе Ямальского (Ненецкого) национального округа 1934–1935 гг. Во всех случаях объектом регистрации являлось семейное хозяйство, за которое принималась отдельная семья, имеющая свой самостоятельный бюджет, сведения о которой записывались со слов ее главы [12, л. 31].

Прежде всего ответственность за качество информации ложилась на человека, непосредственно контактировавшего с переписываемыми людьми, большое значение придавалось его личной способности вызвать к себе доверие, в том числе благодаря тактичному, умелому подходу, пониманию психологии, условий быта и обычаев другого народа и соблюдению ряда установленных правил. В этом отношении «Наказ по производству в 1926–1927 гг. хозяйственной переписи в приполярных районах севера Сибирского края», утвержденный Сибирским краевым статистическим управлением от

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236.

5 мая 1926 г., можно считать универсальным. В нем отмечалась необходимость «...так обставить опрос, чтобы совершенно рассеять то недоверие и предубеждение к регистратору и производимой им переписной работе, которые весьма вероятно будут проявляться туземцем. Туземцы будут весьма склонны не давать правдивых показаний, уменьшая размер своих хозяйственных ресурсов: оленьих стад, добычи, пушнины и т. п. Надо внушить туземцу, что перепись не преследует никаких фискальных целей и ни в коей мере не связана с работою заготовительных организаций, что переписной персонал командирован в туземные районы исключительно для добычи материалов, необходимых высшей Советской власти в целях выработки мероприятий по туземному хозяйству...» [10, л. 87 об.]. Поэтому регистратору не рекомендовалось проводить опрос на факториях, находиться там длительное время, пользоваться безвозмездно или на льготных условиях их услугами и получать от них материальную помощь, запрещалось вести товарообменные операции с местным населением и снабжать их спиртом, а разрешался только наем перевозочных средств и приобретение продуктов питания [10, л. 88–88 об.]. С целью расположения к себе населения предусматривались так называемые представительские расходы на угощение (масло, сахар, сушки, хлеб, конфеты, печенье, чай) и подарки, специально включавшиеся в смету [10, л. 103, 134 об.]. Большое значение придавалось правильному подбору переводчиков среди местного населения (не обязательно из числа народов Севера, но в том числе русских и зырян), знакомых с обычаями переписываемого народа и пользовавшихся у них авторитетом, сочувствовавших делу переписи и советской власти и понимавших, как и что необходимо переводить [13, с. 108].

Отчеты и примечания переписчиков в бланках показывают, какое огромное количество времени, физических и моральных затрат вкладывалось в дело переписи. Необходимо было не только получить согласие на регистрацию со стороны опрашиваемого, на что иногда уходило несколько дней и требовалось проведение специальной разъяснительной работы с привлечением административных работников, но и поддерживать его положительное отношение к переписи на протяжении всего опроса, настойчиво и терпеливо возвращаясь повторно к пунктам программы, на которые не удалось получить ясного ответа в первый раз. Если возникали сомнения в полученной информации, она проверялась путем опроса соседей и родственников или по записям, сделанным на факториях, о сдаче пушнины, получении товаров, задолженности, количестве оленей и т. д. [10, л. 88; 12, л. 201 об.]. В первой половине 1930-х гг. к ним до-

бавились документы вновь образованных колхозов и простых производственных объединений (ППО). Дополнительный опрос в соседних и отдаленных чумах считался необходимым для раскрытия межхозяйственных отношений внутри кочевого общества в первой половине 1930-х гг. для выявления фактов батрачества, отдачи своего и найма чужого инвентаря во временное пользование, взятие и сдача на выпас оленей, совместного выполнения тех или иных работ, купли-продажи, взятия в долг и дачи в кредит оленей, пушнины, денег [12, л. 118]. Кочевники не только старались скрыть информацию, но и скрывались сами под предлогом промыслов [14, л. 81 об.; 15, л. 151 об.]. Некоторые из них разыгрывали сумасшествие [16, л. 91 об.].

И в 20-е, и в 30-е гг. XX в. отказ переписываться со стороны кочевников мотивировался как суеверным взглядом на всякого рода переписи и подсчет вообще, так и опасением, что русские будут брать их в солдаты, а детей отдавать в школу [13, с. 143]. Характер традиционных общественных связей кочевников заставлял их поступать в соответствии с мнением большинства, т. е. «...когда все инородческое нацменовское население об этом узнает и согласится, тогда согласимся и мы (переписываться. – Е. В.)...» [13, с. 128]. В этом отношении показательным является упорный отказ в 1934 г. переписываться председателя Ярсалинского национального совета Алексея Пуйко, который «...всячески уклонялся от переписи, стараясь то насмешками, то указанием на то, что он как председатель национального совета может не переписываться» [17, л. 1 об.]. Так как все это было проделано в присутствии ненцев, то, следуя его примеру, они также стали отказываться от переписи, до тех пор пока уполномоченный окружным ВКП (б) не объяснил А. Пуйко его значение для переписи как председателя национального совета. Тем не менее он остался противником переписи его братьев и отказался взести регистратора к ним в чум [17, л. 1 об.].

В первой половине 30-х гг. негативная оценка похозяйственного учета обуславливалась также непониманием населением его значения для их личных нужд, незнанием русского языка [18, л. 161 об.], нарастающим недовольством мероприятиями государства, проводившего классовую политику в тундре, опасением твердых заданий и лишения избирательных прав, контрактации или конфискации оленей и т. д. Организованные в 1934–1935 гг. на Ямале переписные и землеустроительные работы совпали с восстанием ненцев против советской власти, известным под названием «Мандалада». Весомым аргументом против переписи служило заявление ненцев о том, что «Сколько раз нас переписывали, а никакого улучшения в хозяйстве ненцев нет. В факториях русских кормят

хлебом вволю и маслом, а ненцы не видят никогда масла. Много нет порядков в факториях. ...Кулак теперь не помогает, говорит – идите к советской власти, от нее получите, а у меня советская власть все отнимает. Но и советская власть ничего не дает...» [19, л. 201 об.].

При работе в таких условиях регистратору приходилось быть очень внимательным к деталям разговора, фразам и интонациям, используемым опрашиваемым. Если демографическая часть бланка была более или менее понятной [20], то гораздо больше вопросов возникало с описанием хозяйства: число оленей и движение оленьего стада, распределение их по полу и возрасту, количество и характер хозяйственного инвентаря, получаемой, потребляемой и реализуемой продукции, покупаемого продовольствия и товаров промышленного производства. В подготовительных документах можно обнаружить патерналистский взгляд на народы Севера, возобладавший во второй половине 20-х гг. XX в., обуславливавший снисходительное отношение к их интеллектуальным способностям. В этой ситуации незнание официально принятой метрической системы мер и весов рассматривалось как «крайняя затруднительность инородца припомнить свой годовой оборот... неумение вести даже простой учет», незнание ими количества своих оленей [10, л. 36 об., 37 об.]. Считалось, что «туземец лишь с большим трудом, лишь с полным напряжением памяти и внимания может ответить на большинство вопросов, предусмотренных программой переписи» [10, л. 87], «складывать в уме разные понятия ему трудно», «ненец может мыслить и считать только конкретно» [12, л. 119].

Переписные бланки, заполненные в ходе Приполярной и похозяйственной переписи УНХУ РСФСР в Ямальском районе, отличаются друг от друга детализацией информации при наличии схожих разделов и одинаковом стремлении выявить социальное расслоение в общинах северных народов. В соответствии с опытом, полученным в 1926–1927 гг., и социально-политическими и экономическими изменениями, произошедшими в первой половине 1930-х гг., в 1934–1935 гг. требовалось получить более подробную информацию о хозяйстве кочевников, обращая внимание на изменения, произошедшие с момента начала коллективизации и организации колхозов, что отразилось на содержании инструкций к ним. Не случайно первая давала только краткие пояснения к заполнению количественных данных и практически не объясняла используемые термины [10, л. 105–107], вторая подробно останавливалась на каждом во-

просе [12, л. 118–120 об.]<sup>1</sup>. Инструкции содержали практические советы, которые должны были помочь регистраторам получить ту или иную информацию.

Одними из сложных для выяснения являлись сведения об оленеводстве. Политика разделения кочевого общества на богатых и бедных на основании размера стада, традиционная ненецкая установка не считать собственных оленей в целях их сохранения не способствовали точному учету поголовья. Поэтому регистратору приходилось вместе с владельцем устанавливать количество оленей путем их подсчета во время загона или проводить контрольный опрос. Если в 1926 г. устанавливалось поголовье оленей на момент переписи и движение оленьего стада за предшествующий год, то в 1935 г. ситуация усложнялась, и данные, собираемые осенью 1934 – зимой 1935 г., должны были отражать ситуацию на 1 октября 1934 г. [12, л. 118 об.; 21, л. 5]. При этом счет оленей производился традиционным методом, описанным П. Е. Хатанзеевым, в котором обычно участвовали два счетчика: «...один считал, а другой, вооруженный палкой-биркой (длиной примерно с 1 м) и ножом, отмечал каждый десяток таким X знаком на палку-бирку. После окончания подсчета голов оленьего стада один счетчик подсчитывает десятки, отмеченные на палке-бирке, а другой на особой маленькой бирке отмечает каждые десять десятков таким \* знаком (означающий число 100)...» [22, л. 29].

Распределение оленей по полу и возрасту, движение оленьего стада за период с осени 1933 г. по осень 1934 г. выполнялось на основании опроса и проверялось путем простых математических действий (сложения или вычитания) и задания конкретизирующих вопросов: «Сколько голов осенью 1934 г. охолощено или [сколько] оставлено хорова в производителях? Сколько важенок впервые отелилось весной 1934 г.? Сколько потерялось взрослых и телят от прочих причин? Сколько [погибло] телят при отеле 1934 г.?» и т. д. [12, л. 118 об.]. Для получения точного ответа на вопрос о количестве забитых оленей его рекомендовалось разбить на несколько частей и спрашивать: «1. Сколько забито за зиму 1933/34 года? 2. Сколько забито летом 1934 г.? 3. Сколько забито осенью 1934 г. (до наступления [зимы])?.. Спрашивать при этом не вообще “Сколько забито оленей?”, а детализируя: сколько забил быков, важенок?» [12, л. 118 об.].

Для характеристики взаимоотношений внутри кочевого общества по поводу отдачи и взятия оленей на выпас не следовало понимать ответ на вопрос об оплате «Ничего не платил, а только он

<sup>1</sup> Можно предположить, что разработка детальной инструкции для заполнения похозяйственного бланка переписи 1934–1935 гг. была вызвана отсутствием среди регистраторов специалистов-этнографов.

пользовался моими оленями» буквально, так как за этой фразой скрывалась сложившаяся практика возлагать все тяжелые хозяйственные работы на чужих оленей, а не собственных, которых очень берегли. Поэтому олени, взятые на выпас, были очень истощенными к моменту возвращения их хозяевам. Они в первую очередь страдали от болезней и нападений волков, забивались на мясо. «Поэтому у хозяина, сдавшего оленей на выпас, надо спрашивать не только – сколько оленей он сдал, но и также и сколько оленей он получил обратно» [12, л. 119]. Кроме того, некоторые хозяйства специализировались на выпасе чужих оленей, принимая их сразу от нескольких хозяйств на период вонзевого и салмочного лова, т. е. пять летних месяцев, и брали за это деньги и продукты.

В ситуации, когда ненцы не знают, не помнят или не хотят сказать, сколько заработали извозом, выручили от сдачи песцов и другого зверя, сдали рыбы, продукции оленеводства и т. д., весь полученный заработок устанавливался на фактории по существующим тарифам за время, потраченное на перевозку грузов и пассажиров, установлению сорта сданной пушнины и справочнику цен, по записям о количестве сданной рыбы [12, л. 118 об.]. По документам устанавливалась задолженность организациям: «Интегралу», Рыбтресту, Омпушнине, за взятых оленей и незакрытые авансы по договорам на сдачу пушнины и рыбы [12, л. 120].

Стоимость охотничьего, рыбопромыслового, морского зверобойного, сухопутного и водного транспортного инвентаря, а также построек определялась на основании общей оценки их состояния на момент опроса, выражавшейся в определениях: старый, средний, новый, которые проставлялись рядом с цифрой, обозначающей их количество [12, л. 118 об.].

Путем специальных расчетов устанавливалось количество продукции оленеводства (мясо, постели, рога, камасы, лбы, жилы и др.), добытой, оставленной в своем хозяйстве, проданной госторговле и кооперации и частным лицам. Вес мяса определялся по числу забитых оленей, умноженному на средний убойный вес, равный 50 кг у взрослого животного и 25 кг – у молодого [12, л. 119 об.]. Если хозяин употреблял в пищу мясо павших от болезней оленей, то оно прибавлялось к общей цифре также путем расчетов. От оленей, затравленных волками, бралась половина их веса. Число шкур, лбов, жил, рогов и шерсти устанавливалось на основании числа забитых и павших оленей без перевода их в килограммы.

Размер ячеи используемых в хозяйстве рыболовных снастей (невода, сетей, оханов) ненцы обычно показывали на пальцах (шесть или восемь пальцев), что следовало переводить в сантиметры

из расчета один палец – 1,5 см [12, л. 118 об.]. Сведения о продукции рыболовства можно было записать, задавая детальные вопросы: «На вопрос, заданный в общей форме сколько-нибудь путного ответа получить нельзя» [12, л. 119 об.]. Примерные вопросы, которые могли помочь регистратору справиться с заданием, должны выглядеть так: сколько сдал рыбы при осеннем подледном лове, зимнем подледном лове, весеннем вонзевом лове, летнем салмочном лове, сколько выловлено рыбы для собственного потребления. Если количество сданной рыбы можно было установить по документам фактории, то улов для себя требовал специальной проверки. Так как обычно ненцы определяли размер улова количеством нарт, то полученные от них сведения проверялись путем умножения числа нарт на вес рыбы, отличающийся по сезонам: летом на нарту грузили 1 ц, зимой – 1,5 ц. Другой распространенный способ состоял в умножении числа месяцев летом, зимой или весной, когда глава хозяйства занимался рыболовством на количество съеданной рыбы семьей в день, если они каждый день ели рыбу. При этом щекур, пыжьян, нельма и сырок, вылавливавшиеся в южной части Ямала от р. Хадутея до устья р. Яды, объединялись в одну графу с названием «Белая рыба» [12, л. 119 об.]. В примечании к разделу необходимо было указать, производился ли лов рыбы каждым хозяйством отдельно или артелью (временными, сезонными объединениями, ППО, колхозами), количество человек в них и каким образом делился улов.

Важное значение в связи с вопросом землеустройства придавалось разделу, посвященному кочевым передвижениям хозяйства: сезоны кочевания, протяженность маршрутов кочевания в течение года, названия, местонахождение, время посещения основных стоянок, количество хозяйств в кочевой группе, характер местности, время в пути, расстояние между ними, участники кочевой группы, выход к факториям, время использования рыболовных, охотничьих угодий и оленьих пастбищ. Отмечалось, что, вспоминая все детали календаря, ненец мог упомянуть занятия, в том числе те, о которых не сообщил ранее.

Приведенные примеры не исчерпывают всех особенностей переписи традиционного хозяйства ненцев на Ямале, каждое из которых имело общие и специфические черты, выявление которых требовало особого подхода со стороны регистратора, умения своевременно замечать и фиксировать их в ходе правильно поставленного диалога культур. Только благодаря проведенной кропотливой работе в распоряжении современных исследователей находятся уникальные примеры традиционного природопользования ямальских ненцев в первой трети XX в.

### Список литературы

1. Волжанина Е. А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
2. Крупник И. И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 122–151.
3. Панченко С. В. Вариативность в процессе заимствования на материале лексики хантыйского происхождения в русских письменных источниках 1870–1930 годов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 110–113.
4. Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера. Красноярск: Поликор, 2005. 448 с.
5. The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011.
6. Крайний Север. Вып. 1. Итоги переписи хозяйств в трех районах. М.: Издание УНХУ РСФСР, 1935. 121 с.
7. Маслов П. Опыт переписи трех районов Крайнего Севера (лето 1933 г.) // Советский Север. М., 1934. № 3. С. 51–62.
8. Волжанина Е. А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 15. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. С. 225–235.
9. Торощина Н. В., Тучкова Н. А. К истории изучения Притымыя: обзор источников и материалов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 4 (41). С. 71–75.
10. ГАСО. Ф. 1812, оп. 2, д. 181.
11. Всесоюзная перепись населения 1959 года. М.: Госполитиздат, 1958. 54 с.
12. ГАЯНАО. Ф. 34, оп. 1, д. 2.
13. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): сборник документов. Тюмень, 1994. 321 с.
14. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 39.
15. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 37.
16. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 46.
17. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 38.
18. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 48.
19. ГАРФ. Ф. А-374, оп. 26, д. 45.
20. Volzhanina E. The Interpretation of Nenets Demography in the First Third of the Twentieth Century // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 67–96.
21. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690, оп. 1, д. 36.
22. Хатанзеев П. Е. Религиозные верования у народов Крайнего Севера // Рукопись из Фонда ЯНОКМ оф. 11643. Б/д.

Волжанина Е. А., кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник.

**Институт проблем освоения Севера СО РАН.**

Ул. Малыгина, 86, а/я 2774, Тюмень, Россия, 625003.

E-mail: nyabako@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 29.11.2012.*

*E. A. Volzhanina*

#### **SPECIFIC CHARACTER OF DESCRIPTIONS OF TRADITIONAL ECONOMY OF YAMAL NOMADIC POPULATION AT THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY**

The article, based on the analysis of records keeping the primary documents of census materials, analyses the dialogue of cultures: nomadic Nenets and Russian official, the inevitable appeared in the census and revealed ways to achieve understanding between them by asking the right questions and interpretation the answers.

**Key words:** *nomads, Yamal, Polar census, household census, traditional economy, hunting, fishing, reindeer breeding.*

**Institute Development of the North Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.**

Ul. Malygina, 86, post box 2774, Tyumen, Russia, 625003.

E-mail: nyabako@mail.ru